

ТЕТЕНС И КАНТ: К ПРЕДЫСТОРИИ «КОПЕРНИКАНСКОГО ПЕРЕВОРОТА» В ФИЛОСОФИИ¹

Философские взгляды Иоганна Николауса Тетенса стали предметом внимания историков философии лишь в последней четверти XIX века. И вызвано это было прежде всего усилившимся интересом к истории становления кантовского критицизма, особенно к тому периоду в творчестве Канта, который предшествовал созданию «Критики чистого разума» и получил у историков философии название «спокойного» или «молчаливого». Именно в этот период взгляды Канта претерпели такое сильное изменение, что даже основоположник трансцендентального критицизма вынужден был поставить под сомнение значимость всех своих предшествующих трудов, включая и докторскую диссертацию. И это несмотря на то, что в представленную в докторской диссертации концепцию он считал критической. Однако различие двух концепций критицизма оказалось столь радикальным, что подавляющее число историков философии начало критической философии ведут с «Критики чистого разума». Периодически предпринимающиеся попытки рассмотреть более позднюю концепцию как результат «внутреннего развития» идей, изложенных в диссертации, вызвали вполне заслуженное недоверие у многих исследователей творчества Канта. Казалось бы, один уже этот факт должен был побудить исследователей к поиску «внешних» влияний. И здесь, конечно, нельзя было обойти вниманием «Философские опыты о природе человека и ее развитии» Тетенса, вышедшие в 1777 году и вызвавшие в свое время восторженный отклик у многих истинных ценителей философии. Однако лишь после того, как И.Б. Майер в своей книге, посвященной психологическим взглядам Канта [див. 7], попытался более подробно рассмотреть вопрос о возможном влиянии Тетенса на кантовское учение о познавательных способностях, возник интерес к философии Тетенса.

Этот интерес был вызван прежде всего благодаря тому, что факт знакомства Канта с философией Тетенса стал предметом гласности. Действительно, хотя в «Критике чистого разума» Кант не упоминает Тетенса, все же в его рукописном наследии мы находим ряд свидетельств, подтверждающих такое знакомство. Уже в апреле 1778 года в письме к М.

---

¹ Постаць Тетенса, як і традиція дослідження його вчення, досі не знайшли достатнього висвітлення у вітчизняній літературі. Тому ми пропонуємо увазі читача важливу статтю Сергія Секунданта, що свого часу вийшла друком у збірці «Філософсько-літературні штудії» (Вып. I. Минск: БГУ, 1991, с. 7–39) і нині практично недоступна українському читачеві. Сподіваємось, що ця публікація приверне додаткову увагу до творчості німецького мислителя. (Прим. ред.)

Герцу Кант сообщает, что «Тетенс в своем пространном труде о человеческой природе сказал много пронизательного» [5, S. 214]. О том, что интерес Канта к главному труду Тетенса не был поверхностным, свидетельствует и И.Г. Гаманн, часто навещавший Канта в период его работы над «Критикой чистого разума». В письме к И.Г. Гердеру от 17 мая 1779 года он сообщает: «Кант интенсивно трудится над своей моралью чистого разума и книга Тетенса постоянно лежит перед ним» [4, S. 83]. После выхода в свет «Критики чистого разума» Кант неоднократно называет Тетенса в числе тех, кто, по его мнению, смог бы оценить его труд¹.

Но наибольший интерес, пожалуй, представляют те упоминания о Тетенсе, которые мы встречаем в заметках Канта, впервые опубликованных в восьмидесятых годах прошлого века Б. Эрдманном [див. 2]. В одной из заметок Кант пишет: «Тетенс исследует понятия чистого рассудка субъективно (человеческая природа), я объективно. Его анализ эмпирический, мой трансцендентальный»². В другой заметке он пытается подчеркнуть свое отличие уже не только от Тетенса, но и от Ламберта: «Я занимаюсь не эволюцией понятий, как Тетенс (все действия, посредством которых создаются понятия), не анализом, как Ламберт, а только их объективной значимостью. Я не нахожусь ни в какой связи с этими людьми»³. Эти высказывания Канта и послужили для большинства интерпретаторов философских взглядов Тетенса отправной точкой. Большая часть работ о Тетенсе посвящена сопоставлению взглядов Тетенса и Канта. Причем такого рода сопоставление не основывается, как правило, на достаточно адекватном анализе мировоззренческих основ его философии и методологических принципов его исследования. Этому мешало не только плохое знание основных философских течений того времени, но и стремление многих авторов подчеркнуть принципиальное отличие кантовской философии от взглядов его современников. В условиях полного господства неокантианства подобного рода стремление очень часто сопровождалось существенным искажением взглядов оппонентов Канта. В этом отношении не является исключением и Тетенс. Наиболее фундаментальная работа о Тетенсе, написанная В. Юбелле, является, пожалуй, и наиболее тенденциозной [див. 12]. Ее автор пытается доказать, что Тетенс не оказал никакого влияния на Канта. Напротив, докторская диссертация Канта сильно повлияла на взгляды Тетенса и, наряду с «Архитектоникой» И.Г.Ламберта, дала повод к написанию Тетенсом его опытов [12, S. 17]. Некритическое воспроизведение этих высказываний можно встретить у А. Рилиа в его «Истории философского критицизма» [9, S. 232]. После работы В. Юбелле интерес к философии Тетенса сильно упал и в конечном счете сошел почти на нет. Все последующие работы, в которых говорилось о философских взглядах Тетенса, опирались, как правило, на труд В. Юбелле, а развиваемая последним

мысль, что Тетенс является типичным представителем эмпирического психологизма, уже ни у кого не вызвала сомнения.

Первым, кто стал рассматривать Тетенса как «эмпирического психолога», был, пожалуй И.Э. Эрдманн [3, S. 495]. В этом отчасти был повинен сам Тетенс, который в предисловии к своим «Философским опытам» следующим образом характеризует применяемый им метод: «Это – наблюдающий метод, которому следовал Локк при исследовании рассудка и наши психологи в экспериментальной психологии. Он состоит в том, что модификации души берутся так, как они познаются внутренним чувством; их точно воспроизводят, воспринимают и наблюдают в изменяющихся условиях, обращая внимание на способ их возникновения и законы действия сил, которые их вызывают. Затем наблюдения сравнивают, анализируют и исходя из этого отыскивают простейшие способности и способы их действия, а также выявляют их отношение друг к другу. Таковы основные приемы в психологическом анализе души, который покоится на опыте» [10, S. III–IV]. Исчерпывающая полнота данного определения настолько удовлетворяла исследователей творчества Тетенса, что они не считали необходимым более подробное исследование метода и мировоззренческих основ его философии. Данное ему ещё одним из первых рецензентов его главного труда прозвище «немецкий Локк» – во многом благодаря К. Розенкранцу – прочно закрепилось за ним в историко-философской литературе. Он был признан в Германии лидером так называемой «наблюдающей философии», доминировавшей в Англии и имевшей немало последователей не только во Франции, но и в Германии.

Хотя с подобной характеристикой трудно не согласиться, все же есть ряд обстоятельств, которые требуют ее существенной коррекции. Прежде всего исследователи творчества Тетенса, как правило, игнорируют вышедшую незадолго до опытов его небольшую работу «О всеобщей спекулятивной философии» (1775). Несмотря на то, что эта работа была задумана Тетенсом как вводная часть к его «Философским опытам», историки философии вслед за И.Э. Эрдманном рассматривают его как метафизический труд и противопоставляют ее психологическим «Опытам». Вместе с тем в этом труде с предельной ясностью формулируются те задачи, решению которых посвящены «Опыты», и те предпосылки, на которых оно должно основываться. Как из этой работы, так и из «Опытов» ясно следует, что основным противником Тетенса являются представители «наблюдающей философии», прежде всего Д. Юм, опровержению скептицизма которого и посвящены в основном его «Опыты». Критикует он и представителей «философии здравого смысла», причем не только за то, что их доводы против скептицизма неубедительны, но и за то, что, противопоставив философию здравому смыслу, они, по сути,

стали сами на позиции скептицизма, поскольку сомневались в возможности философии как рациональной науки об объективной действительности. Ведет полемику он и с И.Х. Лоссием, представителем немецкой «наблюдающей философии», который, опираясь на «наблюдающий метод», пытался доказать субъективный характер наших знаний, относительность истины и непознаваемость вещей в себе [див. 6]. Все эти философы ставили под сомнение возможность и необходимость спекулятивной философии как науки. Тетенс же свою главную задачу видит в том, чтобы показать «преимущество и относительную неизбежность» спекулятивной философии [11, S. 1]. Как видим, задача, которую ставит перед собой Тетенс, явно не соответствует ни духу, ни целям «наблюдающей философии». Последнее требовало коренного пересмотра традиционного взгляда на характер и принципы «наблюдающего метода». И сделать это можно было, став на принципиально иную точку зрения, чем та, которой придерживались британские философы.

Сам Тетенс свою философию рассматривает как синтез британской наблюдающей и французской рассуждающей философии, а также «геометрического гения Лейбница и Вольфа» [11, S. 1–2]. То, что речь здесь идет действительно о синтезе, обусловлено принципиально новым подходом к решению проблем, поставленных в немецкой спекулятивной философии, видно из той оценки, которую Тетенс дает современным ему течениям.

Заслугу наблюдающей философии Тетенс видит в том, что она показала, что о предметах вне нашего рассудка мы знаем только благодаря представлениям и что поэтому «всякое исследование свойств внешних объектов есть не что иное, как определенная обработка имеющихся в нас идей, которые к ним относятся» [11, S. 5]. Тетенсу импонирует то, что наблюдающая философия выступает против характерного для наивного реализма «естественного стремления к отождествлению идей и вещей» и, обеспокоенная тем, что наши представления могут вводить нас в заблуждение, рассматривает их как нечто субъективное, имеющее место только в нас, стремясь при этом «познать их возникновение в нас, их внутреннее содержание и объём» [11, S. 6]. Вместе с тем он подчеркивает, что она сталкивается с серьезными трудностями, как только задается вопросом: «являются ли наши представления истинными и реальными представлениями, соответствуют ли они своим объектам настолько, насколько это необходимо для того, чтобы иметь возможность сравнивать и оценивать объекты в соответствии с нашими представлениями о них, – или они являются пустой видимостью, которая вводит нас в заблуждение, и мы не можем выйти за рамки собственных представлений, не можем рассматривать предметы сами по себе вне представлений и без них, не можем сравнивать сами вещи с их идеями и благодаря этому решить,

соответствуют ли представления объектам или нет, и если да, то в какой мере?» [11, S. 6–7] Именно на этот вопрос, по мнению Тетенса, и не смогла ответить британская «наблюдающая философия», скатившись в конечном счете на позиции скептицизма.

Главную причину этого он видит в том, что она ограничивается анализом обыденного опыта, апеллируя исключительно к обыденному рассудку, возможности которого крайне ограничены. Согласно Тетенсу, в распоряжении последнего имеется только рефлексия, деятельность которой сводится к сравнению представлений друг с другом или идей, полученных одним образом, с идеями, полученными другим способом. Таким путем, считает он, мы можем установить, что имеются обманчивые чувственные представления, которые вводят нас в заблуждение, и благодаря внимательному отношению к чувству и осторожности в суждениях выделить те представления, которые гармонируют между собой и, следовательно, не являются пустой видимостью. Однако с увеличением числа чувственных впечатлений, считает Тетенс, обыденному рассудку становится все труднее привести их к единству, но обращаясь к общим понятиям и принципам. Беспроспективной и противоречивой считает он попытку философии здравого смысла критиковать философию с позиций обыденного рассудка и на этом основании отвергать ее. Шотландские философы, считает он, отвергая всякую метафизику, основанную на принципах и определенных понятиях, тем не менее сами пользуются понятиями и принципами, при этом «не вдаваясь в более глубокое исследование природы рассудка, источников и реальности первых понятий и принципов» [11, S. 15]. Резко он выступает и против Ш. Боннэ и Ж.Б. Робинэ, представителей «наблюдающей философии», которые считали, будто умножение опытных знаний сделает в дальнейшем излишней философию как рациональную науку, и пытались разработать своего рода «психологическую метафизику», основанную на наблюдениях и выводах по аналогии. Такую метафизику он не приемлет прежде всего потому, что видит, к каким последствиям она может привести не только в области научного познания действительности, но и в теологии и морали. Как низшая форма разума, подчеркивает постоянно Тетенс, обыденный рассудок значительно уступает культивированным формам разума в том виде, как они представлены в философии и научном познании. Преимущество спекулятивной философии, и прежде всего немецкой, Тетенс видит в том, что она обращается к высшим формам познания, стремится точно определить свои понятия, обосновать свои принципы и привести все знание в систему. Основоположники британской наблюдающей философии, Ф. Бэкон и Дж. Локк, утверждает он, плохо знали математику и не смогли по достоинству оценить ее значение для прогресса познания. В этом он видит главную причину исторической ог-

раниченности наблюдающей философии. Именно прогресс познания, считает Тетенс, требует применения абстрактных понятий, исследования их природы, а, следовательно, и науки, которая занималась бы решением этих проблем. В этом заключается, по мнению Тетенса, необходимость онтологии как фундаментальной философской дисциплины. «Для философов, – пишет он, – которые рассуждают о Боге, душе человека и целокупности действующих вещей, такое намерение не только делает полезной разработанную фундаментальную науку, но и во многих отношениях даже и необходимой, как были необходимы для Кеплера и Ньютона геометрия и арифметика» [11, S. 18]. Тетенс даже полагает, что она более необходима, чем математика для физики, ибо постулаты, на которых основывается философия, «менее зависят от наблюдений и более от общих онтологических рассуждений» [11, S. 25].

Ответ, который Тетенс дает на поставленный им вопрос о преимуществах и необходимости спекулятивной философии, ясно показывает, что он твердо стоит на позициях немецкой философии, ориентирующейся на идеал философии как строгой науки, построенной по образцу математики. Правда, со своими соотечественниками он расходится в понимании того, что является наиболее существенным свойством точных наук, гарантирующим прогресс познания. Так в отличие от Х. Вольфа, но в согласии с А. Рюдигером и его последователями, он считает, что математический метод – это лишь «внешнее одеяние» науки. Характеризуя свой идеал науки, он пишет: «Существенными свойствами истинной реальной науки, от которых зависит внутренняя строгость математики, ее достоверность и очевидность, для всех других наук являются следующие. Во-первых, определенные и реальные фундаментальные понятия, а также очевидные принципы. Далее, такое их обозначение, чтобы их первоначальный смысл представлялся духу в неизменном и незабываемом виде. И, наконец, их познание и сравнение, а также связывание друг с другом с целью познания их отношений» [11, S. 26]. Многие идеи, лежащие в основе этого идеала, были известны в немецкой философии и широко разрабатывались. Например, второе из перечисленных требований, содержащее идею «универсального языка», разрабатывалось Лейбницем и его последователями. В третьем сформулирован идеал науки, который развивали Э.В. фон Чирнхауз, Х.Вольф и его сторонники. Эти идеи, разрабатываемые в рамках рационалистического крыла немецкой философии, безусловно, носили критический характер, поскольку, по мнению их сторонников, соблюдение лежащих в их основе требований должно было предохранить интеллект от влияния воображения и тем самым гарантировать познание от ошибок. Что же касается первого требования, то это, по мнению Тетенса, наиболее важное требование немецкая философия так и не смогла выполнить, а это, в свою очередь, ставило

под сомнение все попытки построения философии как строгой науки. В связи с этим Тетенс подчеркивает; «Требуются реальные понятия. Недостаточно того, что они точно определены, недостаточно даже того, что с одной стороны дан их ясный анализ. Несмотря на это, они могут быть лишь продуктами словесного творчества, которым ничего в действительности не соответствует» [11, S. 27]. Этот упрек касается не только Х. Вольфа, но и И.-Г. Ламберта, которые, нужно признать, не игнорировали данной проблемы. Особенно Ламберт, который, в отличие от Х. Вольфа, считавшего, что философия имеет своим предметом возможное, вслед за А. Рюдигером и Х.А. Крузием полагал, что она имеет дело с действительностью, и постоянно подчеркивал важность этой проблемы. Но предложенный им аналитический метод решения проблемы Тетенс считает недостаточным.

Анализируя причины неудач своих предшественников, пытавшихся построить метафизику столь же строгую и очевидную, как геометрия, Тетенс приходит к выводу, что их следует искать в недостаточно критическом подходе к данной проблеме. Х. Вольф, И. Г. Ламберт и другие, по его мнению, не поставили, пожалуй, наиболее важный для решения данной проблемы вопрос: «Является ли такая очевидная метафизика, которая относится к философии обыденного рассудка, так же, как знание и убеждение к мнению и уговорам, наукой, соответствующей возможностям человека? Действительно ли она лежит в пределах человеческого рассудка?» [11, S. 22] Такая постановка вопроса оказалась принципиально новой для немецкой спекулятивной философии, но не для британской наблюдающей философии. Правда, последняя не ставила перед собой задачу построения философии как строгой науки. Напротив, к анализу наших познавательных способностей она прибегала для того, чтобы показать ее невозможность. Исключение, пожалуй, составляет лишь Дж.Локк, который использовал подобный анализ для доказательства опытного происхождения наших понятий. Именно поэтому Тетенс призывает вернуться к Дж.Локку. «Нужно вернуться на путь, – пишет он, – которым ранее шел Локк, а именно: к исследованию рассудка, его способов действия и его всеобщих понятий, если хотят отыскать тот признак, благодаря которому можно отличить реальные представления, соответствующие объектам, от тех, которые суть только явления, а следовательно, являются односторонними представлениями» [11, S. 36]. Однако призыв Тетенса вернуться к Локку нельзя рассматривать как апологию философских взглядов последнего. Для этого есть ряд причин.

Прежде всего у Тетенса речь идет о том, чтобы дать прочный фундамент спекулятивной философии, для чего он предлагает реформировать онтологию, или, как ее еще называли, трансцендентную философию, претендовавшую на статус фундаментальной науки. Именно для реше-

ния этой задачи, которую, нужно признать, Локк не ставил, Тетенс предлагает обратиться к наблюдающей философии. Но поскольку в задачу последней входит обоснование реальности онтологических понятий, то именно она, согласно Тетенсу, и должна стать фундаментальной наукой. «Трансцендентная философия, или фундаментальная наука, – пишет он, – должна рассматриваться преимущественно как часть наблюдающей философии о человеческом рассудке и его способах мышления, его понятиях и способах их возникновения, прежде чем она сможет превратиться во всеобщую рациональную науку о предметах вне рассудка» [11, S. 72]. Наблюдающая философия у Тетенса фактически выступает как пропедевтика к спекулятивной философии, функции которой в значительной степени критические. Она должна расчистить почву для спекулятивной философии – задача, которую британская наблюдающая философия не смогла выполнить, хотя, как считает Тетенс, и ставила ее. «Локк и Юм, – указывает он, – являются предшественниками, но они в значительной мере не достигли цели. Нужно идти дальше, как бы это ни было трудно или легко. Почва для всеобщей философии должна быть расчищена и укреплена, надежными понятиями» [11, S. 76]. Причину их неудачи Тетенс видит в том, что вопрос об объективной значимости общих понятий они пытались решить путем редукции последних к ощущениям, исходя из предпосылки, что только ощущения могут служить гарантом их объективности. Но именно эту предпосылку, характерную для всех направлений эмпиризма, он ставит под сомнение. «Грезы, – замечает он, – так же имеют свой материал в ощущениях, как и наши самые истинные мысли. В этом отношении наших понятий к ощущениям не может заключаться причина того, почему некоторые понятия соответствуют предметам, а другие являются пустыми образами. Это различие возникает из того способа, каким сила мышления перерабатывает ощущения в представления об объектах» [11, S. 50].

Таким образом, основной недостаток всей предшествующей философии Тетенс видит в ее неспособности разрешить проблему объективности основополагающих понятий философии, проблему, от которой, по его мнению, только и зависит правильный ответ на вопрос, возможна ли спекулятивная философия как строгая наука? Именно в принципиально новом подходе к решению данной проблемы состоит тот «коперниканский переворот», который Тетенс призывает осуществить в философии. Причем речь здесь идет не об аналогии, не о метафоре, а об осмыслении научного феномена. С осмыслением этого феномена Тетенс связывает возможность превратить философию из набора гипотез в «столь же истинную и правильную рациональную теорию о действительности, как и взгляд древних пифагорейцев, который Коперник превратил в надежную науку» [11, S. 35]. Галилею и Ньютону, по его мнению, удалось со-

вершить революцию в естествознании именно благодаря тому, что они смогли правильно оценить этот феномен и по-новому взглянуть на отношение наших знаний к действительности. В связи с этим он выражает сожаление, что британские философы, которые являются для всех образцом в наблюдении, не преуспели в спекулятивной философии, хотя у них был Ньютон, «величие которого обнаружилось не столько в важных наблюдениях, сколько в глубоких общих теоретических взглядах» [11, S. 88]. «Почему же этим философам, – задается вопросом Тетенс, – не пришла в голову мысль, что и в спекулятивной философии имеется такая же общая рациональная теория, которая подобным же образом относится к знаниям о действительном мире?» [*Ibid.*]

В чем же состоял феномен теории Коперника, значение которого столь сильно подчеркивал Тетенс? Очевидно, его важность Тетенс видит прежде всего в том, что теория Коперника строилась не в соответствии, а скорее даже вопреки привычным чувственным данным. Вопреки постоянно воспринимаемому обыденным сознанием и, казалось бы очевидному факту, что Солнце вращается вокруг Земли, эта теория утверждала обратное. И несмотря на это, для ученых она обладала большей убедительной силой, ей приписывали большую объективную значимость, чем «фактам» обыденного сознания. Теория Коперника – это пример конфликта научного и обыденного сознания, конфликта, который закончился полной победой науки. Величайшая заслуга Тетенса состоит прежде всего в том, что он первый потребовал переориентации наблюдающей философии с анализа обыденного на анализ научного сознания. В результате такой переориентации ему удалось подвергнуть достаточно эффективной критике все направления наблюдающей философии и, как он считает, преодолеть характерный для них скептицизм и релятивизм. И удалось ему это благодаря принципиально новому подходу к проблеме объективной значимости наших понятий и принципов. Толчком к этому и послужила теория Коперника, да и вся современная астрономия. Не случайно Тетенс обращается главным образом к примерам из астрономии и математического естествознания для объяснения и подтверждения правильности своего подхода к решению проблем объективной значимости.

В качестве своего главного оппонента Тетенс выбирает Д. Юма, а основным предметом своей критики он делает концепцию причинности последнего. И это вполне понятно, поскольку свои скептические выводы Юм делал, опираясь именно на свою теорию причинности. Согласно этой теории, в основе наших суждений о причинной связи лежит основанная на ассоциации субъективная привычка связывать впечатления определенным образом. Постоянное следование идей друг за другом, на котором основывается подобная привычка, не способно гарантировать,

согласно Юму, объективный и необходимый характер подобной связи. Соглашаясь с Юмом в последнем, Тетенс вместе с тем отвергает общую посылку аргументации Юма, согласно которой основание причинной связи следует искать в последовательности чувственных впечатлений. В качестве аргумента он при этом использует конфликт научного и обыденного сознания. Так, с точки зрения обыденного сознания, опирающегося в своих выводах на повседневные чувственные впечатления, Солнце и Луна примерно одинаковой величины. Если бы теория Юма была верна, рассуждает Тетенс, то в результате многократного повторения привычка, лежащая в основе связи субъекта и предиката в суждении «Луна приблизительно равна по величине Солнцу», настолько усилила бы эту первоначальную естественную связь, что она оказалась бы почти нерасторжимой. Но этого не произошло. Напротив, суждение здравого смысла было признано ложным, хотя именно оно основывалось правде всего на чувственных данных. По мнению Тетенса, теория Юма не в состоянии объяснить возможность изменения наших знаний при условии неизменности лежащих в их основе чувственных данных. Тот факт, что мы под влиянием научных исследований способны изменить наши первоначальные представления, свидетельствует, согласно Тетенсу, о том, что те основания, на которых покоится связь субъекта и предиката в суждении, содержат в себе гораздо большую необходимость чем та, которой обладает простая привычка, основанная на ассоциации идей. В качестве такого основания Тетенс рассматривает идеи об отношениях. Здесь он полностью опирается на ту традицию, которая существовала в немецкой философии. Новое, что привносит Тетенс в эту традицию, заключается в требовании исследовать происхождение этих идей. Такого рода исследование коренным образом отличается от того, которым занимались Локк или Юм. Последние, руководствуясь положением, что все наши знания из опыта, свою задачу видели в том, чтобы редуцировать все знания к ощущениям. Тетенс же, напротив, считая, что ощущения дают лишь материал для наших понятий, подчеркивает, что форму свою они получают из мышления. Особенно это касается наших понятий об отношениях, которые, считает Тетенс, если и можно рассматривать как абстракции, то все же лишь как такие абстракции, в основе которых лежит голый акт мышления. Саму способность мышления он определяет как способность создавать отношения. Она характеризуется как активная сторона нашей познавательной способности, тогда как чувственность выступает в качестве пассивной стороны. Только вместе эти способности определяют нашу познавательную способность. Процесс познания выступает как процесс взаимодействия чувственности и мышления. Поэтому хотя в основе идей об отношениях лежит голый акт мышления, он все же может быть нам дан лишь как предмет внутренне-

го чувства. Но помыслить и даже воспринять его мы не можем без способности мышления. Восприятие он рассматривал как разновидность мышления. Такой взгляд на восприятие был для современников необычен, для эмпириков – вдвойне. Но Тетенс пытался его обосновать, ссылаясь на то, что восприятие имеет активный характер. Свою позицию он рассматривал, с одной стороны, как синтез точек зрения Локка и Лейбница-Вольфа, а, с другой, как альтернативу им, поскольку они носили редукционистский характер. Если для последователей Локка, согласно Тетенсу, анализ происхождения понятий состоял в редукции понятий к ощущениям, а для последователей Лейбница и Вольфа – к представлениям, то Тетенс свою главную задачу видел в том, чтобы показать, что и сколько привносит каждая способность в данное понятие. По общей тенденции он ближе к Лейбницу, ибо стремится показать, что именно в способности мышления следует искать основания необходимости и объективности наших понятий и суждений.

При обосновании необходимого характера причинной связи он апеллирует к научному сознанию. Взяв в качестве примера суждение: «Теплота является причиной расширения тел», Тетенс пытается показать, что данная в этом суждении связь мыслится научным сознанием как необходимая. И подтверждением этому служит то, что мы переносим ее на объекты вне нашего рассудка, приписывая ей объективный характер. В частности, он пишет: «Мы наблюдаем в себе идеи в некоторой необходимой последовательности. Откуда бы она ни получила свою необходимость, мы все же ее рассматриваем и допускаем, что соответствующая необходимая связь имеется в предметах. Необходимая связь идей в их последовательности, данная в нас, есть, собственно, наше представление о причинной связи. Ведь как только мы считаем, что эта связь является только ассоциацией идей, и что необходимость, с которой одно следует за другим, является только субъективной, то упраздняется суждение рассудка, посредством которого сами объекты объясняются как зависимые друг от друга» [10, S. 317]. Принципиальная противоположность двух подходов к проблеме причинности здесь обнаруживается наиболее отчетливо. Если Д.Юм исходит из чувственных данных и на том основании, что наблюдаемая нами последовательность впечатлений носит субъективный характер и не является необходимой, отрицает объективность и необходимость причинной связи, то Тетенс, напротив, исходя из факта необходимого характера такого рода связи, ставит под сомнение главную предпосылку Юма, а именно, что постоянное следование одного впечатления за другим является единственным реальным основанием для образования понятия о причинной связи, и требует искать другой источник, которой мог бы гарантировать необходимый характер причинной связи, а следовательно, оправдать ее перенос на объ-

екты вне нашего рассудка. Анализ происхождения понятий Тетенс принимает как раз с целью показать, что таковым источником может быть только мышление. Также в соответствии со своей концепцией понятия он подчеркивает, что постоянное следование впечатлений не является достаточным основанием для образования причинной связи. Оно дает лишь «повод», материал, а также является условием для реализации причинной связи, которая может быть продуктом лишь способности мышления, трактуемой как способность создавать связи. В связи с этим он пишет, что «даже если бы Юм доказал, что ни одно из наших высказываний о причинной связи не имеет реального основания, кроме указанного, все же в понятии об этой связи содержится еще другой ингредиент, который берется из способа связи идей и делается признаком объективного причинного отношения предметов» [10, S. 317–318].

Аналогия с коперниканской революцией в астрономии здесь налицо. Главный урок, который Тетенс извлекает из нее, состоит в том, что осознается необходимость принципиального изменения способа философствования. Исходным пунктом нового способа философствования становится не эмпирический факт, данный обыденному сознанию, а «факт научного сознания». Естественно, что наблюдение такого рода фактов, которое становится основополагающим методом исследования у Тетенса, радикально отличается от наблюдения, на которое опираются сторонники наблюдающей философии. В основу своего метода Тетенс кладет фундаментальный императив, восходящий своими корнями к требованию Ньютона не измышлять гипотез. С этой точки зрения, ни метод Локка, ни метод Юма и других радикальных сторонников наблюдающей философии не являются наблюдающими в собственном смысле слова, поскольку основываются на гипотезе, что чувственность является единственным источником наших знаний. Кроме того, для наблюдающей философии, по мнению Тетенса, характерна «тяга к системе»: опираясь на вышеуказанную гипотезу, сторонники эмпиризма строят систему, не менее спекулятивную, чем та, которую воздвигают на основании своей гипотезы рационалисты. Следствием такого рода «тяги к системе» являются, по его мнению, и разрабатываемые эмпириками методы получения понятий и суждений. Одной из важнейших заслуг Тетенса является предпринятая им критика метода абстракции и индукции, удар которой по методологии эмпиризма был тем более сокрушительный, что она основывалась на более последовательной реализации фундаментальной нормы исследования, которую признавали и эмпирики.

Свой метод Тетенс противопоставляет не спекулятивному методу, а «методу гипотез», т.е. такому методу философствования, который основывается на той или иной гипотезе и, как правило, руководствуется «тягой к системе», которую Тетенс рассматривает как один из основных ис-

точников видимости. Поэтому методы всех философских систем, как рационалистических, так и эмпиристских, он рассматривает как разновидности «метода гипотез». Не отвергая значения гипотез в научном познании, он выступает против того, чтобы гипотезу класть в основание философского исследования. Примером может служить гипотеза о том, что в основе чувственности и мышления, возможно, лежит какая-то единая познавательная способность, – гипотеза, которую впоследствии высказывает и Кант. У Тетенса она означает только то, что на основе метода наблюдения мы ничего не можем сказать об этой способности, а можем только выдвинуть предположение. Напротив, хотя нам непосредственно не даны вещи сами по себе, все же мы с достоверностью, опираясь только на наблюдения, можем доказать реальное существование вещей, являющихся источником наших ощущений. Если последнему Кант посвящает небольшое примечание, а первое высказывает просто в виде гипотезы, то у Тетенса доказательству этого посвящены целые главы. Все это свидетельствует о том, что теорию Коперника Тетенс не рассматривал как гипотезу, которая удивительным образом удачно объясняла все эмпирические данные, полученные его предшественниками в области астрономии, – объяснение, довольно популярное и в современной англо-американской философии.

Тетенс начинает философствование не с гипотезы и даже не с простой констатации эмпирического факта. Он начинает с анализа того смысла, который мы вкладываем в то или иное понятие или суждение. Именно такого рода констатация смысла имеет место, когда он утверждает, что в суждениях о причинной связи мы эту связь мыслим как необходимую, что мы убеждены в ее необходимости, и пытается подтвердить это, ссылаясь на наблюдение, как это было в приведенном выше отрывке. Такого рода факт является не столько психологическим, сколько концептуальным, поскольку Тетенс пытается зафиксировать те признаки, которые содержатся в понятии о причинной связи, или же смысловым, поскольку речь о том смысле, который мы вкладываем в суждение о причинной связи.

Следующий шаг Тетенса состоит в том, чтобы выявить те основания, которые делают возможной такого рода необходимую связь. Опираясь на подобный подход, Тетенс отвергает точку зрения, согласно которой законы природы мы получаем путем индукции и пытается обосновать взгляд, согласно которому такое основание следует искать в необходимой деятельности рассудка, «Если мы например, при рассмотрении первого закона, – пишет Тетенс, имея в виду первый закон Ньютона, – перечисляем все те случаи, в которых мы его наблюдали, и сравниваем их с теми, которые, как нам кажется, отклоняются от него, то нас очень трудно убедить в том, что мы этот закон считаем всеобщим законом природы, потому что наша

способность воображения, основываясь на ощущениях, привыкла связывать с идеей изменения положения тела, находящегося в состоянии покоя или движения, идею внешней причины. Без сомнения, именно ощущение предоставило первую возможность открыть закон; но к этому добавилось еще рассуждение, внутренняя самодеятельность рассудка, которая и создала эту связь идей. Идея находящегося в движении тела, которое не воздействует ни на какое другое тело и не испытывает никакого воздействия со стороны других тел, ведет рассудок к представлению, что движение этого тела будет продолжаться без изменений, и даже если эти идеи были взяты из ощущений, все же их связь – это продукт способности мышления, которая **в силу своей природы** создает эту связь между идеями; и созданная в нас этой операцией связь субъекта с предикатом в гораздо большей степени является основанием убеждения в том, что наше суждение является истинным суждением, чем ассоциация идей на основе ощущений» [10, S. 319–320].

Но и здесь Тетенс не постулирует творческий характер мышления и пытается его доказать, опираясь на «наблюдения». С этой целью он обращается к анализу процесса умозаключения и показывает, что в заключении между идеями возникает принципиально новая связь, которой не было в посылках. И эта связь, считает он, не может быть продуктом простой ассоциации идей в воображении, поскольку мы ее воспринимаем как необходимую, то есть не можем ее делить иначе. Это позволяет ему сделать вывод, что именно мышление привносит необходимую связь в наши восприятия. Исследуя различные виды связей в суждениях, Тетенс приходит также к заключению, что неправомерно, как это делалось в современной ему логике, сводить все суждения к суждениям тождества, то есть рассматривать их как аналитические суждения. Наряду с ними он выделяет суждения об отношениях, которые признавал и Лейбниц, а также суждения зависимости, которые, в отличие от Лейбница, Тетенс не сводит к суждениям об отношениях. Суждения о причинной связи относятся к последнему виду суждений. Поэтому законы природы, которые, по его мнению, представляют собой суждения о причинной связи, хотя и необходимы, но их необходимость не столь абсолютна, как необходимость логических законов. Отвергая взгляд, согласно которому эти законы следует рассматривать как результат индуктивного обобщения эмпирических фактов, он вместе с тем пишет: «Я не хочу тем самым утверждать, что какой-нибудь из всеобщих принципов природы можно с полной определенностью доказать *a priori*, из голых понятий. По-моему, они являются случайными истинами, абсолютной необходимости в рассудке связывать субъект и предикат друг с другом так, как для этого необходимо. Но рассудок связывает их в соответствии с привычным законом мышления, которому он следует, хотя он следует ему не с такой

непреодолимой неизбежностью, с какой он допускает необходимые истины разума, например, принцип противоречия. Такие всеобщие мысли являются всеобщими мыслями до всякого опыта. Мы получаем их из опыта не путем абстракции, и, следовательно, не от многократного повторения зависит, что устанавливаются такие связи идей» [10, S. 321].

Предложенная Тетенсом трактовка законов природы принципиально отличается от традиционных взглядов на них. Если ее оценивать с точки зрения противоборства рационализма и эмпиризма, то она может даже показаться противоречивой. Но это не так, поскольку Тетенс в своих выводах опирается исключительно на результаты анализа происхождения лежащих в их основе связей. С его точки зрения, они являются продуктом рефлексии, которая преимущественно является деятельностью мышления, но как познавательный акт она невозможна без чувственности, поскольку только в чувственности может быть дан объект, на который направляется рефлексия. Это значит, что такого рода связи не могут возникнуть вне опыта. Но однажды возникнув как продукт рефлексивной деятельности мышления, они сохраняются и впоследствии применяются к опыту. В этом смысле они *ему* предшествуют. А учитывая то, что эта связь идей не получена путем абстракции из опыта, то можно признать ее априорный характер. Но это совершенно особого рода априорность, отличающаяся от той, которую имели в виду рационалисты. Стремясь подчеркнуть именно эту отличительную черту своего понимания априорного характера законов природы, Тетенс соглашается даже признать их случайными. Правда, это, пожалуй, единственный случай, где он их так характеризует. В дальнейшем Тетенс посвящает целую главу, где оценивая свою позицию с точки зрения проведенного Лейбницем различия между необходимыми и случайными истинами, пытается доказать их необходимый характер. Да и в приведенном отрывке видно, что Тетенс считает их случайными в том смысле, что их нельзя считать абсолютно необходимыми. И все же они необходимы, поскольку необходима лежащая в их основе связь. На примере разного рода причинных связей Тетенс показывает, что в их основе лежит особый акт мышления – концептуальное выведение (*begreiflichkeit*) одной идеи из другой. Именно оно, а не последовательность чувственных впечатлений в воображении, служит основанием для утверждения причинной зависимости, основанием, которое гарантирует не только необходимость, но и объективность подобного рода связи. В подтверждение своей мысли Тетенс снова обращается к примерам, взятым из науки, к тем случаям, когда мы связываем причинной связью идеи столь абстрактные, что не может быть и речи о том, чтобы рассматривать в качестве ее основания последовательность чувственно воспринимаемых объектов и возникшую на этой основе привычку.

Согласно Тетенсу, концептуальная зависимость одной идеи от другой лежит в основе и тех причинных связей, которые создаются обыденным рассудком. И здесь субъективная по своей природе связь приобретает статус объективной путем реализации. Тот факт, что при этом обыденный рассудок гораздо чаще, чем научный разум, впадает в заблуждение, Тетенс объясняет невыполнением ряда условий, соблюдение которых только и может гарантировать объективность такого рода связи. В частности, он пишет: «Если обыденный рассудок только благодаря связи идей часто приходит к мысли о причинной связи, то она для него является концептуальным познанием одного из другого. Но он не различает разные виды связей идей, следующих друг за другом, и не исследует их обстоятельств, а также пользуется неполными, а потому, недостоверными характеристиками. И поэтому неудивительно, что он так часто заблуждается» [10, S. 327]. К анализу происхождения наших понятий и суждений Тетенс обращается как раз с целью выявить те условия, которые способны гарантировать объективность такого рода переноса. Для этого он считает недостаточным наличия постоянной связи между следующими друг за другом чувственными впечатлениями, необходимо еще, чтобы эти впечатления были представлены, осознаны, то есть стали концептуальными образованиями, идеями, понятиями, их связь должна быть воспринята, представлена и наконец, одна идея должна выводиться из другой. И если такого рода выведение имеет необходимый характер, а также установлено, что в формировании нашего понятия об этой связи не принимала участия фантазия, мы вправе, согласно Тетенсу, переносить эту связь на объекты вне рассудка, приписывая ей тем самым объективный характер.

Правда, доказать возможность объективной истинности наших суждений Тетенсу удастся во многом благодаря принципиально новому пониманию объективности наших знаний. Исходя из того, что мы не можем непосредственно сопоставлять наши идеи с предметами вне человеческого рассудка, и признавая, что такого рода сопоставление всегда основывается на аналогии, он пытается отыскать критерии объективности, не выходя за пределы человеческих возможностей, за границы субъекта, и с этой целью обращается к анализу того смысла, который мы вкладываем в наши суждения, когда утверждаем их объективную истинность. Так, согласно Тетенсу, выражение «дело обстоит так, как нам это кажется» содержит в себе мысль, что данное обстоятельство будет восприниматься всеми другими точно так же, как и нами, если в него вкладывается тот же смысл. Причем Тетенс подчеркивает, что у него речь идет не о «постоянной видимости», а об объективной истине, не зависящей ни от человеческого рассудка, ни от божественного разума. Но поскольку о других существах мы не можем говорить, не выходя за грани-

цы человеческого разума, за рамки наших познавательных способностей, то признак объективности, согласно Тетенсу, следует искать в этих рамках. «Если вместо слов “объективный” и “субъективный”, – предлагает он, – поставить слова “неизменчиво субъективный”, то не нужно ссылаться на способности мышления других существ, о которых мы не имеем понятия». «Объективный» для Тетенса это не «интерсубъективный», а «общезначимый», даже «транссубъективный» в смысле не зависящий ни от отдельно взятого человека, ни от человечества в целом. Поэтому исследованию объективной необходимости суждений он предпосылает исследование их субъективной необходимости. Рассматривая в качестве критерия субъективной необходимости невозможность нечто мыслить иначе, чем мы это мыслим, Тетенс считает наличие этого признака достаточным для того, чтобы приписывать данному суждению не просто необходимость, а объективную необходимость, поскольку рассудок здесь действует по законам всякого рассудка, а следовательно, по объективным законам.

Оценивая с этой точки зрения чувственное познание, то есть познание чувственно воспринимаемых объектов, он указывает на относительный характер этого способа познания. Чувства характеризуют объекты лишь с одной какой-то стороны и в отношении только этого чувства [10, S. 548]. В целом же чувственное познание Тетенс не считает объективным. «Есть нечто объективное в этом способе познания, – замечает он, – но большая часть его состоит только в субъективной видимости» [10, S. 552]. Объективное познание, согласно концепции Тетенса, возможно лишь в отношении тех связей и отношений, которые не получены на основе сравнения представлений, а являются продуктом деятельности нашего мышления, действующего в соответствии со своими объективными законами. Причинные связи относятся, по мнению Тетенса, как раз к такого рода связям. Научное познание обладает гораздо большей объективностью, чем обыденное, согласно Тетенсу, именно потому, что оно рассматривает такие отношения или связи, которые создаются мышлением в соответствии с объективными законами его деятельности. В этом состоит преимущество научного познания и его право исправлять ошибки последнего, которые, как правило, заключаются в том, что, отождествляя реальность с постоянной видимостью, обыденный рассудок часто приписывает объективность таким отношениям и впечатлениям, которые таковыми не являются. «В этом разум, – указывает Тетенс, – исправляет обыденный рассудок и учит, что объективное нигде не может распространяться далее, чем на отношения между впечатлениями, и несколько ограничивает с этой стороны обыденные представления» [10, S. 561]. Отсюда следует, что и спекулятивная философия как наука об объективной реальности возможна лишь постольку, поскольку она опи-

рается на фундаментальные понятия о таких отношениях, которые являются продуктом деятельности исключительно мышления.

Опираясь на изложенную выше реконструкцию философских взглядов Тетенса, не претендующую, естественно, на полноту, можно, как представляется, ответить на поставленные вопросы: Имел ли место «коперниканский поворот» в философии? Чем он был обусловлен и в чем состоял? И оказал ли он влияние на Канта? На первый вопрос, по-видимому, можно ответить утвердительно. Да, действительно, имела место попытка реформировать философию, ориентирующаяся на коперниканскую революцию в астрономии. И связана она была прежде всего с необходимостью доказательства возможности философии как объективной и строгой науки, которая была поставлена под сомнение Юмом и представителями философии здравого смысла. Изложение создавшейся в философии ситуации, в основу которой было положено противопоставление критической по своему характеру, но впавшей в скептицизм британской наблюдающей философии и не совсем критичной немецкой спекулятивной философии, характеристика Д.Юма, Х.Вольфа и других философов, а также выдвижение в качестве главного вопроса, от которого зависит доказательство возможности философии как науки, вопроса об объективной значимости наших знаний, в частности наших суждений о причинной связи, — все это мы находим у Канта почти в неизменном виде. Таких характеристик, не совсем справедливых, но необходимых для обоснования предлагаемых Тетенсом постановок проблем, мы не встречаем до Тетенса ни у одного из крупных мыслителей того времени. Мы встречаем у Канта и тот принципиально новый подход к решению проблемы объективной значимости, с которым связана попытка «коперниканского переворота», предпринятая Тетенсом. Постановка проблемы причинности, анализ концепции Юма и ее критика, а также предложенное Тетенсом решение проблемы свидетельствуют о том, что влияние Д.Юма на Канта, которому он обязан пробуждением от «догматического сна», не было непосредственным, а опосредовано, по меньшей мере, ее решением в философии здравого смысла и у Тетенса. В подтверждение этого можно привести и то, что переведенный на немецкий язык еще в 1755 году главный труд Юма Кант прочитал уже в 1759 г., но никаких выводов не сделал. Влияния Юма совершенно не чувствуется и в диссертации.

Влияние Тетенса обнаруживается и в общем подходе к анализу знаний, в анализе познавательных способностей, в особенно пристальном внимании к понятиям об отношениях, которые, судя по всему, и послужили прообразом кантовских категорий, тем более что Тетенс интересовался прежде всего так называемыми трансцендентными понятиями, под которыми он понимал такие понятия об отношениях, которые при-

менимы как к внутреннему, так и внешнему опыту. Влияние Тетенса сказывается как на общем подходе к анализу категорий, их природы, источников, принципов классификации, так и на решении Кантом проблемы их объективности и необходимости. В предпринятой Кантом субъективной и трансцендентальной дедукции категорий нетрудно заметить влияние аналогичной попытки Тетенса доказательства субъективной и объективной необходимости суждений, в частности, его требования анализа условий реализации суждений.

Список сходных черт можно было бы продолжить. Главное, что объединяет их, это общая критическая программа, в значительной степени отличающаяся от тех, которые разрабатывались ранее, включая и докторскую диссертацию Канта. Объединяет их и общая позиция, характеризующаяся как альтернатива эмпиризму и рационализму и связанная с новой трактовкой природы и характера наших знаний, в частности, априорных. Однако из этого не следует делать вывод, что Кант был последователем Тетенса. Различия двух концепций также значительны и связаны они прежде всего с тем, что Кант ограничивается анализом априорных знаний, считая проблему дедукции эмпирических понятий тривиальной. Не применяет Кант и «наблюдающий метод» Тетенса. Однако результаты, полученные с помощью этого метода, Кант часто просто предполагает. Последний момент особенно важен не только с точки зрения более полного изложения кантовской системы и ее предпосылок, но и в плане раскрытия того творческого контекста, в рамках которого формировалась концепция, трансцендентального критицизма.

Однако было бы неверным также видеть в Тетенсе лишь предшественника Канта. Профессор физики, философии и математики, довольно заметная фигура среди математиков своего времени, Тетенс отличался глубоким знанием британской, французской и немецкой философии и поразительно тонким аналитическим умом. Оригинальность в подходах к решению традиционных проблем и в постановке новых, необычный метод философствования, напоминающий сильно позднего Виттгенштейна, и чуждый догматизма столь характерного для немецкой философии, включая и кантовскую, – все это не могло остаться незамеченным современниками. Прекрасную школу философствования у него прошел не только Кант. Влияние многих идей Тетенса мы обнаруживаем у представителей «философии чувства» Ф. Г. Якоби и И. Г. Гаманна, которые возглавили «реалистическое» направление в немецкой классической философии, с самого начала ставшее в оппозицию к Канту. Влияние Тетенса чувствуется и у философских антропологов, и у психологов, стремившихся «углубить» Канта. Для многих из них Тетенс был более глубоким и широко мыслящим философом, чем несколько сухой и претенциозный Кант. Э. Платнер в третьем издании своих «Философ-

ских афоризмов», вышедших в 1793 году, когда уже появились все три критики Канта, стремясь воздать должное последнему, писал: «Действительно, для меня, после “Философских опытов о человеческой природе” Тетенса, нет ни одной из вновь появившихся книг по философии столь интересной, как “Критика разума” Канта» [8, S. VII]. Э. Платнер был чуть ли не единственным современником Канта, который признал, что революция в философия была уже совершена Тетенсом, но по непонятным причинам его произведение не приобрело столь широкой известности, как критика разума Канта. Пытаясь разобраться в этих причинах, Э. Платнер писал: «Если бы названное первым произведение несколько сильнее заявило о себе (с тех пор, как я лично знаю достопочтенного автора, я могу объяснить себе это очень хорошо); если бы оно, как кантовское, появилось как раз в тот момент, когда многие мыслящие люди благодаря своим взглядам были склонны и благодаря своим литературным связям были в состоянии поддержать революцию в философии, то очень легко оно могло бы оказать на современников влияние такой степени, о котором говорят обычно, что оно составляет эпоху» [8, S. VII–VIII]. Говоря о личных качествах Тетенса, которые ему помешали приобрести широкую известность, Э.Платнер имеет в виду прежде всего его скромность и ненавязчивость мысли. Тетенс приписывает Локку, Лейбницу и другим философам многие идеи, которые у тех если и содержались, то лишь в виде намека. Несколько иронично относится Тетенс к Канту, показывая, что те претензии Канта на новизну, которые он высказывает в своей диссертации, лишены основания. Очевидно, это больно ранило Канта, что он не счел нужным даже упомянуть имя Тетенса. В свою очередь, Тетенс нигде ни одним словом не обмолвился о «Критике чистого разума» Канта. Лишь у Б.Эрдманна, который, со своей стороны, ссылается на случайное высказывание Федера, мы узнаем о том, как Тетенс отреагировал на появление «Критики частого разума» – он увидел в этом-произведении «большую зависимость от исследований своего времени, особенно своих собственных, чем это признавал Кант» [1, S. 81]. Те многочисленные критические замечания, которые Э. Платнер высказывает в адрес Канта лишь в 3-м издании своих афоризмов, когда он, по собственному признанию, сближается с Тетенсом, позволяют предположить, что здесь мы сталкиваемся и с мнением Тетенса. Действительно обвинения Канта в догматизме, обусловленном как его методом, так и стремлением к построению системы, вполне мог бы высказать и Тетенс. Любопытно, что, когда в 1794 году Тетенс решил навсегда оставить занятия философией, его место профессора философии в Кильском университете занял К.Л. Рейнгольд, тот самый молодой человек, благодаря взглядам и литературным связям которого, как утверждает Э.Платнер, удалось поддержать революцию в филосо-

фии. Он приехал в Киль, чтобы «нести свет кантовской философии», не подозревая, что этот вояж окажется для него добровольной ссылкой, навсегда вычеркнувшей его из числа классиков немецкой философии.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См., например, письма И.Канта к Герцу от 11 мая 1783 г. к Гарве от 7 августа 1783 г. и к Мендельсону от 16 августа 1783 г.

² Див. 6, Reflexion № 230.

³ Див. 6, Reflexion № 231.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Erdmann B.** *Kant's Kritizismus in der ersten und in der zweiten Auflage der Kritik der reinen Vernunft. Eine historische Untersuchung.* / Erdmann B. – Leipzig, 1878.
2. **Erdmann B.** *Reflexionen Kants zur Kritischen Philosophie. Aus Kants handschriftlichen Aufzeichnungen.* / Erdmann B. -2 Bde.– Leipzig, 1882–1884.
3. **Erdmann J.E.** *Versuch einer wissenschaftlichen Darstellung der Geschichte der neuen Philosophie.* / Erdmann J.E. Bd.2, Abt.2.– Leipzig, 1842.
4. **Hamann J.G.** *Hamann's Schriften.* / Hamann J.G. [Hrsg. von Fr.Roth].- Bd.6. – Berlin, 1824.
5. **Kant I.** *Kant's Gesammelte Schriften.* / Kant I. [Hrsg. von der Preussischen Akademie der Wissenschaften. Bd.X]. – Berlin, 1900.
6. **Lossius J. Chr.** *Physische Ursachen der Wahren* / Lossius J. Chr. – Jena, 1775.
7. **Meyer J.B.** *Kants Psychologie.* / Meyer J.B. – Berlin, 1870.
8. **Platner E.** *Philosophische Aphorismen nebst einigen Anleitung zur philosophischen Geschichte.* 1.Theil,3.Aufl. / Platner E. – Leipzig, 1793.
9. **Riel A.** *Der Philosophische Kritizismus. Geschichte und System.* / Riel A. - Bd.1. Geschichte der philosophischen Kritizismus. 3.Aufl. – Leipzig, 1924.
10. **Tetens J.N.** *Philosophische Versuche über die menschliche Natur und ihre Entwicklung.* / Tetens J.N. - Bd.1. – Leipzig, 1777.
11. **Tetens J.N.** *Über die allgemeine speculativische Philosophie.* / Tetens J.N. - Bützow und Wismar, 1775.
12. **Uebelle W.** *Johann Nikolaus Tetens nach seiner Gesamtentwicklung betrachtet mit besonderer Berücksichtigung des Verhältnisses zu Kant.* / Uebelle W. – Berlin, 1912.